

УДК 811.161.1373
ББК 81.411.2-3

ЧАСТОТНЫЕ КОЛОРАТИВЫ В ПОЭЗИИ П.И. КАРПОВА

А.В. Кузьмина

В работе дана характеристика колоративной лексики в поэзии П.И. Карпова; рассмотрено употребление колоративов в прямых и переносных значениях; определено место цветообозначений в идиолекте поэта.

Ключевые слова: лексикография, идиолект, актуализированный лексикон, колоратив, прямое значение, переносное значение.

Изучение идиолекта художников слова является важнейшим и перспективным направлением современной лингвистики.

С этой точки зрения исследовано творчество многих авторов. В настоящее время на кафедре русского языка Курского государственного университета в рамках проекта «Курское слово» ведется работа по исследованию идиолекта А.А. Фета, Н.Н. Асеева, А.П. Гайдара, Е.И. Носова, К.Д. Воробьева, В.В. Овечкина. Недавно к этому списку прибавилось имя еще одного курянина – Пимена Ивановича Карпова.

П.И. Карпов (1887–1963) родился в селе Турка Рыльского уезда Курской губернии (сейчас – Хомутовский район Курской области). К сожалению, опубликованных произведений немного: роман «Пламень» (1913), повесть «Кожаное небо» (написана в 1920–1922 гг.), рассказ «Бесенок» (1920), книга стихотворений «Русский ковчег» (1922), два триолета «День мой окончен в крови и пыли...» и «Запламенели солнцем клены...», мемуары «Из глубины» (1933 г. – опубликована часть «Верхом на солнце») ¹.

Актуальность данного исследования определяется все возрастающим вниманием к творческой личности П.И. Карпова, а также отсутствием в лингвистике научных работ, посвященных описанию идиолекта этого курского поэта.

Базой эмпирического материала данной статьи являются только лирические произведения. С помощью программы автоматизированного составления словариков NewSlov, активно внедряемой в лингвистические исследования курскими учеными, нами были созданы полный словарь и частотный список карповской лирики. На основе полного словарика все лексемы были распределены по лексикограмматическим разрядам, после чего из каждого разряда была сделана выборка ста самых употребительных слов.

В рамках данной статьи на примере колоративной лексики показана специфика языковой картины мира курского писателя. Цветообозначения неоднократно попадали в поле зрения лингвистов, так как они являются одним из средств художественной выразительности и стилистического своеобразия авторских текстов. Многочисленные работы исследователей посвящены изучению цветоименований в прозаических произведениях русской классической литературы (см., напр.: [1; 2; 5; 6; 8]), в поэзии серебряного века (см., напр.: [4; 7]) и др.

Предметом нашего исследования являются имена прилагательные с семантикой ‘цвет’ в поэзии П.И. Карпова.

В полном словнике лирических произведений курского поэта имена прилагательные занимают 17,5 % от общего количества единиц. Всего нами зафиксировано 249 имен прилагательных в 498 словоупотреблениях. В актуализированном лексиконе поэзии Пимена Ивановича Карпова атрибутивы по количеству

словоупотреблений занимают второе место (первое – имена существительные, 1 478 словоупотреблений), а по числу лексем – третье (после существительных и глаголов – 616 (43 %) и 299 (21 %) единиц соответственно), что говорит о значимости данного лексико-грамматического разряда в идиолекте курского поэта.

В первой сотне высокочастотных имен прилагательных зафиксировано тринадцать колоративов: *золотой/златой* (13/1), *красный* (9), *голубой* (6), *лазурный* (6), *зеленый* (4), *красный* (4), *лазоревоый* (4), *синий* (3), *черный* (3), *багровый* (2), *багряный* (2), *белый* (2), *бледный* (2).

Наиболее употребительное прилагательное *золотой/златой* чаще всего используется в переносном, метафорическом, значении ‘цвет золота, оттенок желтого’ и определяет существительные, характеризующие явления неживой природы, – растения, их части и совокупности: *колос*, *оаз* (то же, что *оазис*), *цветы*, *снопы*, *копья* (‘листья’); небесные тела: *звезды*, *созвездья*; водное пространство: *ключ* (‘источник, родник’). Например: *А я, твой буйный отпрыск и твой плод, / Качаясь спелым колосом златым, – / Все так же буду грохотом слепым / Благословлять твоих зачатий год!* (с. 220); *Гей, вставайте, сраженные горем, / Рассыпайте, как розы над морем, / Золотые созвездья, цветы!* (с. 225); *Золотые ключи, солнцеструи, / Смех русалочий, сны, поцелуи* (с. 225).

Употребительны сочетания с лексемами, обозначающими артефакты в широком смысле слова, то есть творения человеческих рук, – ‘корабль, судно’: *ладья*, *ковчег*; ‘напитки’: *вино*. Например: *О золотой ковчег, о Светлый Град – / Россия от востока до заката!* (с. 228); *Пейте солнце, вино золотое!* (с. 225).

Семантику ‘прекрасный, лучший, счастливый’ атрибутив *золотой* приобретает в словосочетаниях, отражающих внутреннее состояние человека: *Как стрелы литые, / В лесной тишине / Ладья золотые / Запели во мне* (с. 227), а также обозначающих какие-либо промежутки времени: *Светлых обителей много, / Дней золотых – без числа* (с. 230). Это же значение слово *золотой* реализует в сочетании с именем собственным *Салим*,

древним названием города Иерусалима: *А когда мы, корчась, / Сгорим / На кострах багровых – / Обретем мы / На горелых корчагах / Золотой / Салим...* (с. 221).

В поэзии П.И. Карпова зафиксировано четыре примера с прилагательным *красный*, но цветовую характеристику оно имеет только в двух случаях. О.И. Гамали и О.Б. Каневская утверждают, что «символика *красного* связана, во-первых, с жизнью и смертью через образы крови, разрушительного огня» [3, с. 383]. Данное значение реализуется в контексте: *Красный огонь, помоги! / Осанна! / Жизнь ли, колдунью пленную, / Кровь ли дурманную, / Плоть ли растленную – / Жги!* (с. 224). Прилагательное *красный* может обозначать цвет зари, заката: *Русая девушка прячет / Взор свой у желтой тропы, / Красным закатом маячат / Ей золотые снопы* (с. 230).

Отметим, что в лексиконе курского поэта частотны оттенки красного цвета: *красный*, *багровый*, *багряный*. Данные колоративы сочетаются с именами существительными, обозначающими: 1) явления неживой природы: *красная заря*, *красная лилия*, *багряное солнце*; 2) части тела человека или животного: *багровое крыло*; 3) артефакты в широком смысле слова: *багровый костер*, *багряный колокол*. Например: *Над городом жуткая виснет звезда, / Треплется красной лилией* (с. 233); *Но, предреченная пророком, / Как взмах багрового крыла, / Над заколдованным Востоком / Восстаний сказка расцвела* (с. 231); *Ты вороном над бором старым, / Багряный колокол, гуди, / Пролейся трепетным ударом / И Русь глухую пробуди* (с. 235).

В произведениях П.И. Карпова широко представлена палитра синего цвета: *синий*, *голубой*, *лазурный*, *лазоревоый*. Данные колоративы употребляются в прямом значении (*глаза синие*, *звезда лазурная* и *голубая*, *цветок лазурный*, *лазоревоый* и *голубой*): *И видели с звезды святые / Пророка синие глаза, / Как пролилась огнем Россия / И сотрясла миры гроза* (с. 232); *Звезду голубую Предутрия сбросив во мглу, / Я в мантии молний, в короне из звезд, огнеликий, / Пройду над землю, неведомый благу и злу* (с. 235). Отметим, что символ «лазоревоого

цветка», ассоциирующийся с народной поэзией, проходит через все творчество курянина и является центральным, так как обозначает Россию: *Но колокольчиком поток / Звонит и сказки льет лесная, / Что жив лазоревый цветок, / Не умерла еще Россия* (с. 217).

В прямом значении используется прилагательное *голубой* при описании неба: *Но, напоив миры свободой, / Железным голосом крича, – / Под голубым и звездным сводом / Сама сгорела, как свеча* (с. 232).

В переносном употреблении колоративы, обозначающие оттенки синего, встречаются при описании природных явлений: *Полюблю голубую зарю, / Нет зачатое, жуткое да, / И в тебе, и с тобою сгорю, / Ключ-звезда!* (с. 226); *Рассветом голубым облив фиалки, / Дымятся звезды – счастья талисманы* (с. 234); *Синюю весну, / Молодость святую / Я, как луч волну, / Благостно целую* (с. 219); *Перед нами встают из пустыни / Реки протцев, Тигр и Евфрат, / Да индийские знойные сини, / Да сиянье лазоревых врат* (с. 236); *Встань! Раскрой души глаза, / Добыча бед: / Вскипает синяя гроза, / Несет свой свет* (с. 238); *К солнцу тропиков! К звездному зною! / К Светлограду! К лазурным ветрам!* (с. 236).

В двух последних контекстах цветообозначения *синий* и *лазурный* приобретают дополнительную семантику ‘сильный, бурный’ и ‘теплый, спокойный’ соответственно.

В сочетании с именем существительным *голоса* прилагательное *голубой* приобретает семантику ‘радостный’: *Ключ-звезда потонула в пруду... / Голубые звенят голоса* (с. 226).

Прилагательное *лазурный* часто сочетается с абстрактными существительными и имеет при этом переносное значение ‘прекрасный, радостный’: *Меня, опаленного огненным знаком лазурным, / Одетого в мантию молний и вещей зарниц, / Смятенные толпы встречали дыханием бурным, / Во мгле предо мною и в ужасе падая ниц* (с. 235); *Мне в сердце, оттуда, / С лазурной звезды, – / Лазурного чуда / Упали лады* (с. 227).

Актуальным в поэзии П.И. Карпова является один из самых частотных колоративов в русской лирике – *зеленый*. По мнению А.Т. Хроленко, причина такой востребованности «не только в распространенности соответ-

ствующего цвета в природе, но и в особой культурной ценности рассматриваемого признака. Зеленое – это маркер позитивной выделенности объекта, характеризуемого соответствующим колоративом» [9, с. 178]. Чаще всего в исследуемых нами контекстах *зеленый* характеризует художественный локус, пространство и элементы ландшафта: *Сказал и в дебри канул, хохоча, / Пропал в лесу, в зеленом шуме свежем* (с. 218); *Мне березка красивой мечты / И покоя желанней костер, / Зацветут по раздолью цветы, / На зеленый я выйду простор* (с. 226). Данный колоратив используется и при описании цвета глаз: *Горит ея зеленый глаз / Из темноты* (с. 240).

Для поэтики П.И. Карпова характерно метафорическое использование атрибутива *черный* – ‘тяжелый’, ‘зловещий’, ‘мрачный’, ‘безотрадный’: *Но вскрываются черные раны / В смертоносном дыханье войны: / Нами все уж изведаны страны, / Нами все уж пути пройдены* (с. 236); *И крылья радости, и черный парус боли – / Все в схватке яростной плывет невесть куда* (с. 224); *Но не взгремел никто со мною вместе, / И черный поглотил меня провал* (с. 226).

В лирических текстах нами зафиксирован колоратив *белый*, использующийся при характеристике фитонимов и соматизмов, символизируя чистоту, ясность, свет: *И белая тебе приснилась лилия, / А мне приснилось: некуда идти* (с. 230); *Над городом жуткая виснет звезда, / Треплется кровавой лилией, / А ветер, гоня стаи надежд неведомо куда, / Белые ломает крылья* (с. 230).

Прилагательное *бледный* в значении ‘слабо окрашенный’ мы также включаем в состав колоративной лексики. Однако в контексте, определяя имена существительные *луна*, *свет*, оно актуализирует дополнительный смысл ‘мистический’, ‘нерациональный’: *Бледна, таинственна луна, / Простор и ширь* (с. 239); *Текут в моей груди прибой шума, / Тепло да свет мечтательный и бледный* (с. 234), что подчеркивается в контексте однородными членами *таинственна, мечтательный*.

Итак, анализ колоративной лексики в актуализированном лексиконе П.И. Карпова показал, что для идиолекта писателя характерно употребление колоративов как в прямом, так и в переносном значениях, в контексте

рассматриваемые прилагательные приобретают дополнительные семантические оттенки, а также создают цветовые символы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Карпов, П. И. Пламень. Русский ковчег. Из глубины / П. И. Карпов. – М.: Худ. лит., 1991. – 367 с. (в скобках даны номера страниц).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алешина, Л. В. Цветобозначения в идиоматике Н.С. Лескова / Л. В. Алешина // Вопросы лексики и фразеологии русского языка : сб. науч. ст. – Орел : Изд. дом «Орлик», 2004. – С. 19–23.
2. Брагина, А. А. Темно-синий с красным Пьер... (Цветовой образ у Толстого) / А. А. Брагина // Русская речь. – 1983. – № 5. – С. 20–26.
3. Гамали, О. И. Цветобозначения в поэтической картине мира начала XIX века / О. И. Гама-

ли, О. Б. Каневская // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира : сб. науч. тр. – Вып. 4. – М.; Архангельск : Помор. ун-т, 2009. – С. 380–389.

4. Губенко, Е. В. Лексико-семантические поля цвета и света в лирике Б. Пастернака : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Губенко. – М., 1999. – 199 с.

5. Капралова, С. Г. «Цветовая» лексика в рассказе И.С. Тургенева «Бежин луг» / С. Г. Капралова // Русский язык в школе. – 1968. – № 5. – С. 18–20.

6. Матвеев, Б. И. Цветопись в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» / Б. И. Матвеев // Русский язык в школе. – 2003. – № 1. – С. 67–72.

7. Надиров, С. С. «Цветовые» прилагательные в стихотворениях Александра Блока / С. С. Надиров // Русский язык в школе. – 1970. – № 6. – С. 36.

8. Ничипоров, И. Б. Цветовое и звуковое оформление степных пейзажей в прозе А.П. Чехова / И. Б. Ничипоров // Вестник Московского университета. – 2007. – № 5. – С. 109–114.

9. Хроленко, А. Т. Лингвофольклористика. Листая годы и страницы / А. Т. Хроленко. – Курск : Изд-во Кур. гос. ун-та, 2008. – 229 с.

ON FREQUENCY OF COLORATIVES IN P.I. KARPOV'S POETRY

A.V. Kuzmina

The article deals with the coloratives in P.I. Karpov's poetry which are used in their direct and figurative meanings. The role of color nominations in the poet's idiolect is defined.

Key words: *lexicography, idiolect, actualized lexicon, colorative, direct meaning, figurative meaning.*